

"Герой нашего времени". Сочинение М. Лермонтова

Две части. СПб., 1840. В тип. Ильи Глазунова и комп., в 8 д. л., 173 и 250 стр.

Предубеждение есть самое вредное ощущение в человеке, от которого что-нибудь зависит и который должен об чем бы то ни было произносить свои суждения и мнения. Под влиянием этого ощущения самый умный и самый честный человек может надеть глупостей, быть несправедливым и даже повергнуть в несчастье безвинного человека. Только сильная воля и постоянство в правилах могут избавить нас от этого вредного ощущения, которое так искусно уловляет ум наш и сердце в свои сети. Я чуть было не попался в них... Послушайте!

Однажды в восемь часов утра приходит ко мне человек, который отроду не бывал у меня, человек *положительный*, как червонец, человек, не увлекающийся мечтами, поэзией, порывами и т. п. Он оказал мне несколько из тех незначительных услуг, которыми образованные люди меняются в жизни, как приветствиями, и я не имел случая отплатить ему ни одною подобною услугою. "Я пришел к вам с просьбою", -- сказал он. -- "Приказывайте! Очень рад услужить вам". -- "Напечатайте, пожалуйста, объявление о книге, которая выйдет в скором времени. Вот оно!" Я просмотрел объявление и невольно улыбнулся, узнав по напыщенности и неумеренным, раздутым и нарумяненным похвалам, что это объявление выходит из фабрики *абсолютно-объективно-субъективной* литературы. Посетитель заметил мою двусмысленную улыбку и примолвил: "Сочинитель книги, о которой я прошу объявить, хотя печатает свои произведения в журналах, которые против вас вооружены, но даю вам слово, что молодой автор вовсе не принадлежит к этой партии..." Я едва мог скрыть досаду при сих словах. "Милостивый государь! -- возразил я. -- Вы не знаете меня, говоря со мною таким языком! В литературе я знаю только *две* партии: партию *хороших* и партию *дурных* писателей. Враг ли мне автор или друг, мне все равно. Если он напишет *хорошее*, я буду хвалить, а напишет *дурное* -- возглашу об этом с *доказательствами*. Вот мое неизменное правило! Объявление ваше я напечатаю, разумеется *смягчив* его, а выйдет книга -- скажу об ней беспристрастно мое мнение". Посетитель оставил меня, заронив в уме моем зерно *предубеждения* противу книги.

Вышла в свет книга. В журналах, в которых автор печатает свои труды, стали хвалить книгу самым смешным образом, унижая при этом случае всех посторонних писателей. *Предубеждение* мое начало созреть, и я не имел духу взять книгу в руки!..

Эти странные похвалы до такой степени повредили книге, что об ней составилось какое-то неблагоприятное мнение, которому я невольно подчинился. Я даже не купил книги, чтоб не терять времени и денег на пустяки. *Предубеждение* мое уже принесло плоды!..

Наконец появилось (в "Маяке") суждение С. О. Бурачка об этой книге. Из этого суждения надлежало заключить, что роман "Герой нашего времени" есть ни более ни менее как подслащенная и ароматическая *акватофана* в прелестной стеклянке из граненого горного хрусталя. Сперва было я испугался, но, когда в той же самой статье С. О. Бурачка увидел я, что "Мещанин", соч. А. П. Башуцкого, поставляется в *образец* романов и что по этому масштабу измеряется достоинство "Героя нашего времени", я решился прочесть этот роман, противу которого *предубеждение* так сильно во мне вопияло. Почитая книгу ничтожною, я стал читать ее на *сон грядущий*, т. е. в постели, надеясь, что она усыпит меня, как многие из великих творений, прославляемых *абсолютно-субъективно-объективными* журналами, по рецепту Грибоедова:

Вам сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится!

Была половина двенадцатого часа, когда я развернул книгу. Читаю, читаю; чтение завлекает меня... Наконец хочу положить книгу, погасить свечу и заснуть... Невозможно! Книга приковала к себе волю мою, ум, сердце, все ощущения души!.. Читаю -- и когда я дочел до последней страницы, било шесть часов утра! В мои лета и при моих занятиях мне даже стыдно сознаваться, что я провел ночь без сна, за романом! На другой день я вовсе не мог работать, просидел весь день с головою болью, и не досадовал. На третий день я снова прочел "Героя нашего времени" и сердился на автора... что книга так коротка... Все это случилось со мною впервые в течение двадцати лет. Ни для одного русского романа я не жертвовал целою ночью, и впервые прочел русский роман дважды сряду, и сожалел, что он не длиннее!